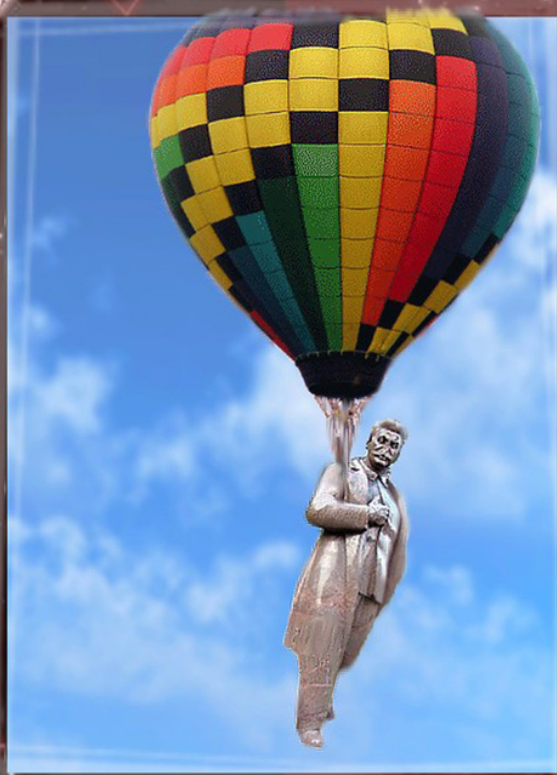

Юрий ЕВСТАФЬЕВ
ВЕРСИЯ

16+

@ЭЛИТА

Юрий Евстафьев

Версия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7146871

Аннотация

Когда профессор технического института (кличка «Док»), узнал о начале преследования евреев («Дело врачей») и понял, что эта очередная акция выльется в массовые репрессии против еврейского народа, то решил, что избежать трагедии можно только опережающим действием по нейтрализации инициатора всех репрессий – товарища Сталина.

У Дока оставалось очень мало времени на разработку плана, не было людей и средств, но опасность общей гибели сплотила евреев не только города, а, как оказалось, и всей страны, и сделала их народ главным героем операции в борьбе за Свободу от страха, за спасение всех людей страны.

В качестве средства для ликвидации генсека было выбрано физическое воздействие на его психические установки массово и публично, что и вызвало у него инсульт и, само собой, гибель.

Содержание

Книга, и как я её ...	6
Отступление по этому поводу	10
Знак Свободы	13
Где мы и кто?	17
Авторитет, каких уж нет!	21
Звонок	23
Партнёры	24
Поганый австрияк	27
Беда вечная	30
Страна моя – судьбы подарок	34
Пена пузырчатая	39
Дровосеки	41
Чёрная метка	46
Кто мой папа?	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юрий Евстафьев

Версия

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Герберт Уэллс, английский писатель-фантаст, известный нам по книгам «Человек-невидимка», «Война миров», «Машина времени» и автор ещё сорока романов и множества рассказов, очерков, эссе и огромной публицистики, нам неизвестных, имел аудиенции у В.Ленина (1920 г.) и И.Сталина (1934 г.). После беседы с В.Лениным написал эссе – «Россия во мгле». В российской мгле он ощущал вонь, но не догадывался, откуда она, и не подозревал, насколько эта мгла густа и обширна.

Мы тоже ощущали, но догадываться не хотели. Потом привыкли к постоянному амбре и до сих пор не замечаем.

Сначала я хотел назвать свою книгу «Россия в дерьме» – слегка в рифму Уэллсу и стопроцентно отражая суть дела. Сами чувствуете, что рифму можно было бы усилить, приме-

нив другое слово, Но, подчиняясь правилам приличий, предлагаю сохранить этот черновик в качестве внутреннего, незабываемого, в мозгу сидящего, как заноза, а на обложку вынести, скажем, слово «Версия» – название точно не оригинальное, что-то из Юлиановских кирпичей. Но я был бы рад стоять на нижней ступеньке одной с ним лестницы. Потому что:

Вы когда-нибудь начинали писать книгу? Первую? А вам в это время стукнуло 80 лет? Поверьте, очень трудно сдвинуться с места.

Всё есть – идея, сюжет, персонажи, завязка, результат, информация, грамотность, начитанность – но никак этот багаж не превращается в мысли, которые можно перепечатывать, как с листа.

Книга, и как я её ...

Я предполагаю – для того, чтобы получилась книга, надо каждую удачную фразу в ней окружить сотней удобоваримых слов для создания желаемой толщины книги, за которую люди будут платить тебе свои заработанные потом деньги. Даже последние деньги. Даже занятые у других. Чтобы только купить твою книгу. Несмотря на Интернет и его доступность. Э? Где взять такие слова?

Ни на какое сравнение моего «творчества» с плодами рук, давно набившими мозоли, я совершенно не претендую. Достаточно, если буду числиться в обозе какой-нибудь 128-й дивизии дилетантов. Что у меня в первой строчке? Первая книга, 80 лет. Значит вторая будет уже с того света – мемуары или дневники. Но, может, и роман. Там ведь тоже не ледышки живут – черти, ангелы. А сколько нашего брата – грешников? Эмоций хоть отбавляй.

Поэтому я решил писать в таком жанре, чтобы к нему нельзя было придраться ни с какой критической позиции. В таком, чтобы уважающие себя ревизионеры посчитали бы зазорным откликаться на моё творение. (Что само по себе уже реклама!).

То, что у меня получилось, я отнёс к жанру исторической альтернативы, и это безошибочно. Если же рассматривать все коллизии сюжета, то определение жанра надо понимать

в моём случае так, как говорят про наши дороги – как направление: политический криминал с историко-фантастическим проездом в лёгком облаке неформальностей и шиза, с явно преждевременным хэппи-эндом. Где-то вот так, но не точно и не окончательно. Ну и плюс ещё, естественно, совсем мизерные отсылки к биографии автора – только для оживления и правдоподобия событий.

Я понимаю, что у всех желающих заработать (кто славу, кто деньги, а кто и пулю?) на поприще (слово-то какое корявое) писания, или, вернее, записания (записывания) своих единственно уникальных (конечно, во всей Вселенной) мыслей неизбежно появление диареи (расстройства пищеварения) при виде стены из бумажных булыжников высотой до Луны, уложенных в основном в прошлом веке ещё живущими коллегами, (Эк меня заносит!). Ладно, авось признают.

Ну, и последнее оправдание: моё желание! Всю жизнь хотелось вылить свою ложку горячего дёгтя на лакированный портрет Вождя и Учителя!

Я бы и не брался за это неподъёмное дело. Прекрасно представляю, что будущее моего текста весьма проблематично. Читатели очень уж однобоко настроены. Хуже того: они вообще ничего не хотят читать! Заработать на них мне точно не удастся. Кульминация сюжета, правда, должна задеть большую, упрямо молящуюся секту с руководящим бункером в нашей стране и сектантами, рассыпанными по всему миру. Но от них, кроме кирпича с крыши, ждать нечего.

Мне, человеку, прожившему жизнь в тени и на малые средства, ни слава, ни деньги просто уже не нужны. Хотя насчёт денег вопрос открытый. Однако, несмотря на непреходящее постоянное их отсутствие, я остался, скорее, добрым человеком, чем равнодушным. Представьте, за все длинные годы я не убил ни одного подлеца, хотя был в ситуациях, и даже с оружием. Более того – и что особенно убедительно – я не нажил зла, потому что никогда не был бит. То есть, у людей не возникало такого желания. В молодости, конечно, пробовали. Но только по одному разу. Через много лет после тех нескольких случаев я понял, что был наделён от природы умением проводить приёмы айкидо (по-русски значит «ай, куда меня кидают?»). Согласитесь, за граница в наши дни во многом помогает нам сформулироваться, и, слава богу, делает это звучно и красиво. Например, игровой салон называется «Кассандра»! Приятно. Хотя и страшновато.

Так вот, это неравнодушие добра и есть главная моя движущая сила. Я просто не могу не поделиться с человечеством своей идеей и единственный видимый путь – через книгу. Хотя, наверное, есть и невидимые пути.

По рождению, образованию, и трудовым навыкам я – изобретатель. Отсюда понятно, что идея у меня не одна. Но только эта, которую я хочу подарить, показалась мне очень своевременной, хотя основное событие книги стало уже меркнуть в пыли пройденных лет.

Возможно, я смогу и другие идеи использовать. «К ме-

сту», так сказать. Если найду такие «места». Как трудно начинающим поэтам! Ха! Теперь вижу, что прозаикам труднее. Поэтом я был и стал. Просто давно не пишу. Повороты жизни всегда для меня важнее, чем описание её по правилам. Хотя бы и самим собой заданным.

Прозу я тоже не избегал. И давно понял, что она должна звучать, как очень хорошие стихи. То есть каждое предложение должно быть «обсосано», как японское хайку. В отличие от стихов, в которых трёхметровые кружева скрывают иголочку. Для этого нужно бесстыдное одиночество. Я же всегда не один. Даже когда один.

Вступление затянулось. А что, если это мой стиль? Терпите, дорогие, вы же заплатили.

И стиль. Не знаю, присущ ли стиль человеку генетически, как характер, или это вещь рукотворная? Как его выбрать? Чтобы он соответствовал теме? Или моему настроению? Да ведь каждый день оно разное. Или как-то ухитриться угадать настроение читателя и подыграть ему? Пробные читки показали, что хорошо воспринимает книгу на слух аудитория людей читающих, после двух-трёх рюмок любимого напитка, с разбуженной по случаю памятью и желанием тряхнуть эрудицией.

Я убеждён также, что на формирование стиля произведения большое влияние оказывают все факторы прошлой, дописательской, жизни.

Отступление по этому поводу

Мне, например, нравится язык, звучавший вокруг меня в детстве и юности – как не назвать его родным? Я, в конце концов, стал говорить на нём почище аборигенов! Это южнорусский язык, язык хохлов – вы уж меня простите, хохлы, я вас люблю, а из песни слова не выкинешь. Этот язык, как специя, привносит в текст хорошую долю оптимизма.

Хохляцкий язык – это не украинська мова, как думают многие москали, но это и не русский язык, как думают все украинцы. Честно надо сказать – хохлы не понимают чистый украинский, сохранившийся у сорочинских старух, а тем паче у западных родственников, скорость речи у которых напоминает стрельбу из счетверённого зенитного автомата (так же быстро и так же громко). С другой стороны, русский для них – второй родной язык, тем более что почти все хохлы живут в России и никто не собирается придумывать для них особую хохляцкую грамматику, а после окончания школы русский становится для хохлов первым. Детей своих они рожают на русском языке. Применение хохляцкого языка безоговорочно зависит от образования – девушки после десятилетки уже и стесняются на нём говорить, и родителей стыдить начинают, парни же отвыкают от этого национального сленга только в высших учебных заведениях. Такая медлительность у мужчин, похоже, генетически украинская.

К чему я всё это? Если вы заметили – заголовки моих главков написаны с претензией на «мову». Но это остатки «хохляцкого», которым я заразился, прожив среди них детство. Зараза эта неискоренимая, но и ценная, я вам скажу. Она частенько позволяет поднять настроение в смутном коллективе, когда очевидные фигуры речи выразишь вдруг на этом эстрадном языке, как Тарапунька. Отсутствие же грамматики позволяет применять его самым удивительным образом как в оборотах, так и в придумывании новых слов. Тут уж никакой украинец тебя не поймёт, до русских же доходит через несколько секунд, и смех обеспечен, а значит, и настроение.

И ещё это к тому, что события, которые я, может быть, успею и сумею описать, произошли в городе («мисте») незабываемом, славном и известном, лежащем как бы в подбрюшьи Украины, на самой её границе с Турцией. И хотя Украина вроде бы со всех сторон, однако язык в городе своеобразный. Очень забавный язык. Этакая художественная смесь русского, еврейского, хохляцкого и украинского. Влияние еврейского и хохляцкого сильно упростило грамматику русского и украинского и сделало его лёгким для употребления и возбуждающим положительные эмоции. Эти удивительные качества городского языка, окружившего моих героев, как только они очутились волею судьбы в одной комнате, ставшей для них домом на целых два месяца, не только поддерживали дух в мужчинах перед лицом последних испытаний и

тягостями детских воспоминаний, но и придали их мыслям некий эйфорический полёт. Что и проявилось вскорости в главном поступке их жизни.

И вот в этом чудном граде, для его украшения и придания его духовному облику ещё одной загадочной грани, какие-то архитекторы быстренько соорудили в парке Перемоги очень серьёзный памятник, к недовольству фотолюбителей не входящий полностью в кадр.

К вашему сведению, название парка (Парк Перемоги), в переводе с украинского на русский значит: Парк Победы. Поэтому памятник я назвал для себя:

Знак Свободы

Установленный вовсе не в честь Перемоги – свободы-то она никому не принесла, так как Победа над внешним врагом не приносит свободу народу-победителю. Но обязательно будит в нём осознание этого странного факта.

На черногранитном обелиске высотой в сто метров были выбиты и покрашены светящейся днём и ночью краской слова: «Освободителю от свободных».

И больше ни слова. Какому-такому освободителю, кого он тут освобождал, от кого – было неясно. На ступенях основания никогда не было цветов или свечек – можно думать, что освободитель жив-здоров. Свидетельства о том, что свободные тоже живы, иногда появлялись в виде бутылок и картонных стаканчиков с окурками и сальными бумажками от чебуреков. Похоже, освобождённые проводили здесь торжественные мероприятия.

Несмотря на то, что основной контингент населения этого района составляли русские и украинцы, на его беломраморной площадке не устраивали праздничных плясок со свистом и гиканьем, как принято у язычников.

Третьими по численности в этом славном, как теперь принято говорить на канцелярите, ГО («городском округе» – вместо слова «городе» – лексический идиотизм), были евреи, что и наводит на некоторые ассоциации. Обелиск был

одной большой загадкой, к тому же опасной для полётов самолётов. Конечно, если при расчётах возможности натканивания их на гранитную иглу применили теорию вероятности, то опасность была невелика. Да и кто будет летать через Молдаванку! Разве что организуют рейсы на Сорочинскую ярмарку. Так не на бреющем же полёте! Вот если обратно...

Обелиск был загадкой не только для случайных любопытных. Не раз ответственные за охрану идеологии упирались в него лбами. Не раз они пытались откопать документальные обоснования появления обелиска. Однако всегда встречались с другой охраной – с услужливыми работниками архивов, должность которых хоть и была весьма и весьма малооплачиваемая, в идеологической чистоте сомнений не вызывала: в архивах работали только люди трижды проверенные. Поэтому и ко всем архивным бумагам было полное доверие. Тем более что написаны они были весьма убедительно, не раз в них прочитывались слова с корнем от «свободы», который был вышит золотом на всех хоругвях власти, и за которую было пролито так много крови. Грамотность и убедительность бумаг усугубляла воздействие на разум сотрудников идеологической безопасности ещё и благодаря способу чтения этих бумаг названными сотрудниками – они читали по складам. А при таком чтении, сами помните, как было в первом классе: пока дойдёшь до второго слова – первое уже забыл. Зато, как до сих пор с благоговением твердят историки-истерики, всё население страны стало грамотным и уме-

ло читать и писать. Хотя и на уровне второго класса. Выше учить было некому, да и в школу ходить было не в чем.

Площадка под обелиском размерами 25 на 25 метров и высотой 2 метра, покоилась на круглом основании диаметром 70 метров, которое тоже возвышалось ещё на метр, и было прорезано несколькими лестничными входами. Не пользуясь лестничками, на самую площадку влезть можно только при помощи друга, что и делалось неоднократно господами, когда глаза их залиты эликсиром счастья. Для бульдозера препятствие было серьёзное.

Обелиск был построен сразу после великого горя – смерти отца всех народов. Одни думали, что в его честь – как же, он был записным освободителем от царского гнёта, от опиума религии, от рабского труда на своём поле, от имущества, за которое приходилось платить налоги. От всех забот освободил! Одна только осталась, самая природно-естественная – как бы прокормиться с детишками... А другие не думали, другие знали, кому и за что вбит в землю этот восклицательный знак! Знали, что не ради памяти о добрых делах «отца», а в честь освобождения от его злой воли, и в честь того, кто был полководцем в этой славной операции. Потом узнали почти все, но не делились знанием с кем попало. А гости города так и покидали его часто в полном недоумении – видели памятник, но никакой о нём легенды не слышали. Какое-то заполночное действо инопланетян.

Чтобы не долго удивляться, как могло случиться то, что

случилось, стоит вспомнить, благо, времени прошло ещё совсем немного, о тех днях, и задать вопрос:

Где мы и кто?

Будучи невольно образованным в ряде нестыкующихся областей, я вижу иногда совершенно неожиданные связи между фактами. Далее связи обрастают странными следствиями и не менее неожиданными результатами этих следствий.

Мы (русский народ) всё время (во все времена) под «Прощанье славянки» продираемся через пожарища, побоища, мёрзлые леса, Чернобыли и теракты. Клянём супостатов, из-за которых горим, мёрзнем и голодаем. И мрём в больших количествах. И нет у нас (у народа, как большинства), как бы мы сами себя ни хвалили, чёткого понимания собственной вины в наших несчастьях. У нас тугие мозги, плохие в них сосуды, и слишком недалеко мы отошли от обезьян (или от медведей?). Мы не просто вечно ведомые, мы генетические рабы, то есть ещё не забыли запах джунглей или тайги. Наверное, поэтому так любим болтать о родных берёзах. И это всё объясняет.

Конечно, и селекция виновата в создании нашего «менталитета». Как известно, для выведения новой породы млекопитающих, впрочем, как и морковки, нужно десятки лет отбирать и выращивать только особей с нужными новыми признаками. Наш великий селекционер – Отец всех народов, он же главный Рыцарь Мировой Революции, тридцать

лет успешно занимался отбором, и породу такую вывел. Но где-то ошибся, так как новые люди о Мировой Революции ничего не знают, зато усиленно совершенствуют крутизну и бестолковщину своего менталитета. Очень понравилось нам это словечко – оно каждому позволяет говорить о его личном импортном свойстве – личном менталитете, как же!

Россия – страна многонациональная, это факт. Но есть и парадокс. В России все малые (в сравнении с русской) нации стоят ещё ниже на лестнице эволюции, чем мы, русские. Поэтому, может быть, и кучкуемся. Но ведём себя, как скорпионы в банке. И лишь к одной нашей малой нации, дай ей бог здоровья, это не относится.

Вообще-то с определением народа как нации надо разобраться поточнее. В каком случае это нация, а в каком что-то другое. Но пока – нация. Правда, товарищ Сталин объяснял...

И эта нация – евреи.

Не буду напоминать, откуда есть они пошли. Самую полную картину их становления (хотя трудно назвать вечные перемещения и смену статусов становлением) можно прочесть у А. Исаича. Важно принять, как данность, два свойства этого народа. Первое – это разум, разумность, что доказывать не надо. Второе – слитность его, как нации. Благодаря слитности разум каждого многократно умножается, и нация принимает самые верные решения. В то же время каждый отдельный еврей остаётся обычным человеком, но – готовым

слиться с другими и превратиться в монолит перед любым испытанием.

Парадокс, но сливаться они готовы не только со своими, но и с народом, который делится с ними правами и свободами. Это произошло с евреями, живущими с нами, русскими, уже двести лет. Революция 17-го сняла все ограничения, наложенные царским режимом, а благодаря разуму и способности (большей, чем у нас) к предвидению, главные политические посты на разных уровнях управления заняли как раз евреи. Причём заняли совершенно бескорыстно, проникшись идеей мирового коммунизма на два вершка глубже, чем все другие. К примеру: Илья Эренбург, с 14 лет «погрязший» в черновой работе на революцию, приводит имена своих друзей-евреев по партии – Брильянт, Файдыш, Сахарова, Неймарк, Членов. Это уж потом, чтобы не отставать от других, они стали извлекать прибыль из статуса, и опять-таки с лучшими результатами (мозги!) – Ходорковский, Березовский, Абрамович, а также их родственники.

Но при всей сиюминутной космической активности, предвидение их не простиралось далее десяти-двадцати лет. Это показала их революционная деятельность, которую они начали как бомбисты-террористы, потом стали партийными вождями самого высокого ранга, потом (чего они никак не предвидели!) – были объявлены врагами дела, на которое потратили свою жизнь, и, наконец, стали жертвами этого дела.

Не буду пересказывать известное о нашей науке и культу-

ре, в которых русских лидеров только каждый десятый или сотый. Я сам обращался в один московский институт за консультацией, где русских не видел.

Впрочем, всё это к делу не относится, а только даёт повод задуматься – где же наше-то, русское, место?

Надо только помнить, что всякие общественные изменения нужно сравнивать с закипающим бульоном на несвежей говядине – появляется много пены. Но если с супа на плите пену снимают, то в обществе это невозможно. По разным причинам и часто – силовым. Или из-за дизайна – прозрачные пузыри пены играют всеми цветами радуги и завораживают обывателя, завораживают... Да ещё если издают при этом музыку, которой не только обывателя, даже кобру можно уговорить. Пена остаётся, и через годы народ недоумевает – в чём же дело? А дело в физике – наверху оказываются элементы наиболее лёгкие, в нашем случае за счёт малого объёма мозга. А в таком мозге помещаются только заботы о себе. О других – места нет. А другие ждут: когда же о них позаботятся? Да никогда. Забот о других просто не существует в мозгах пены. И вообще, те, кто ждёт, ничего не дождутся, кроме «своих цепей», надо иметь в виду.

Авторитет, каких уж нет!

Самым большим пузырьём в пене Союза был Коба, которому кличку эту прилепили его подельники в память о средневековом турецко-грузинском Робин Гуде. За 30 лет единоличной власти этот пузырь был так надут тщеславием, что всякое, даже микробное умаление его, казалось пузырю гибелью. Чтобы защититься от прокола (не дай бог!), и не превратиться в мокрую резинку, пузырю пришлось треть народа поставить на свою защиту. И не от каких-то банальных убийц с шилом в руке, а от субчиков, которые не верят, что большой лоснящийся пузырь – это и есть Солнце! Чтобы убедить общество в Абсолюте своего сияния, ещё треть народа пришлось убить – как ему казалось, не верили в него, дураки. Последняя треть не знала, что и делать. Многие хотели нанимать стукачей из первой трети, кормить их и поить, только бы они докладывали ежедневно, куда надо, о полнейшей, безоговорочной, вечной лояльности, преданности, вере и любви к Пузырю. Но Коба знал, что всех можно купить, уговорить, запугать, и не верил никому. Из поредевшей толпы ему удобно было выуживать подозрительных, разрывая, как ему казалось, возможные цепочки преступных связей.

Думаю, в неверии своём он даже голодал. А то, что ел, глотал со страхом отравиться. Страхнин был страшнее стрихнина – он действовал непрерывно и убивал очень медленно.

На этот раз кислый дым ужаса потянулся из последнего бункера, в который он всё чаще заглядывал в последнее время – из кремлёвской больницы. Впрочем, он и врачей подозревал. Как всех. Но надеялся, надеялся... А дымок он унюхал (или показалось?), когда один из его помощников не проснулся после операции банального аппендицита.

Лучшие врачи и хирурги в больнице были евреями. Сложив два и два, Коба понял, что в руки ему подвернулась ещё одна дубинка, и теперь он её не выпустит, пока не завершит начатое в тридцать седьмом.

Коба послал за Берией. Вступление окончено.

Звонок

В последующие дни, а вернее, ночи, медперсонал Кремлёвки стал переселяться на Лубянку.

Вскоре об этом стало известно ещё одному доктору, теперь уже технических наук – его сестра была в той больнице врачом.

Возможно, технический доктор был гением. Как Эйнштейн, который сказал: всё относительно, Марья Димитревна, всё относительно, всё относительно... Поэтому он сам себе объявил чрезвычайное положение, не стал складывать два и два, а нарисовал диаграмму, пик которой дотянулся до отметки со словом – евреи. Потом, после долгих раздумий, он вычислил слабые места Кобы: это были непомерное тщеславие и животный страх, и составил план действий и программу жизни до часа выполнения главной задачи плана. В программе времени на сон не отводилось – противник был не из тех, кто медлит в битве.

В эти дни Пузырь Коба уже вышел на тропу окончательного решения. Пример другого пузыря, Адольфа, ждать не позволял. Коба был покруче коллеги в вопросе истребления своих. Он хорошо знал евреев, ликвидировал их от имени народа в правительстве, и всю оставшуюся жизнь ждал момента, когда можно натравить на них народ ещё раз, осуществить, как Адольф, это самое окончательное решение.

Партнёры

Вообще-то он был очень недоволен Адольфом.

И вот почему: свою часть частного договора Коба выполнял чётко. К назначенному часу граница Союза была похожа на дырявый плетень. Наземные войска находились в увольнении, корабли и самолёты – на профилактике, причём все сразу. Верные Карлу Марксу перебежчики с ужасной информацией о близком выходе фашистов против оплота пролетариев всех стран, как и договаривались, объявлялись шпионами и провокаторами и стирались с земли.

Ещё целых две недели после нападения Коба не подходил к главному микрофону, всё выполнял договор. Правда, в конце первого дня он вытолкнул к нему Молотова, и тот дрожащим, но коммунистическим голосом размазал по унитазу коварных Адольфа, немцев, Германию, и воспел нашу славную победу в ближайшие дни. А также напомнил, что мы – ни пяди! а немцев – в их же логове, чтобы не вымазать своё. Хотя армады Адольфа уже вышли на Смоленский тракт.

Уже падали от усталости и голода генералы в очереди на приём к Верховному Главнокомандующему. У себя в кабинете Коба, не теряя вида, пыхая трубкой или заправляя её навозом ахалтекинцев, подымал одну чёрную бровь и говорил: «Нэ может быт! Вай, вай!». Или подымал другую чёрную бровь и говорил: «Какой звэр, какой звэр!». В Москве

он говорил на почти русском языке, то есть, как мог. (Будучи отцом народов, он, конечно, знал все их языки, но было бы интересно послушать его в Африке, на банту или суахили).

Только по прошествии двух недель, после множества докладов о зверствах и насилиях фашистских людоедов, он широким жестом дал понять секретарю, что пусть, мол, входят все эти дистрофики. В кабинет, почти падая, держась друг за друга и толкаясь, ввалилась генеральская очередь. Потом, через двадцать лет, мы видели во всяких средствах такие же толпы наших армий, уходящих в плен. Но это будет через месяц.

А сейчас Коба принял подобающую главнокомандующему позу и зажатой в кулак вонючей трубкой дал отмашку: «Трэвога! Объявите трэвогу!». «Командующим по одному доложить обстановку и свои дэйствия». Все завертели головами, поглядывая друг на друга и не решаясь шагнуть первым. Коба минуту смотрел на них, как на баранов, ухмыльнулся и скомандовал: «Кругом! Бэгом! Марш!». Худые и голодные, но кремлёвские двери снесли.

Поднять войска по тревоге удалось только к вечеру, так как половина состава по-прежнему находилась в увольнении, что экономило для армии пшёнку, на кораблях продажные наймиты империализма утопили все горны и боцманские дудки, так что тревогу сыграть было не на чём, а пилотам не довели парашютов. Да и зачем они были нужны, если самолёты все уже сгорели. Тревожный строй был собран

только после того, как охрипшие командиры шепнули на ухо каждому солдату, что, мол, тревога, братец. Наш капдва в пятидесятом перед строем училища, поднятого по тревоге, со слёзным надрывом выкрикивал: «Вместо сорока секунд! Полторы минуты! А если война?! Помрём, как мухи! Смирно! Разойдись!». Наши командиры, выбравшись из-под четырёхлетней косилки войны, дрожали над нами, как над своими детьми, и мы их не подводили более чем на пятьдесят секунд.

На следующее утро многие воинские подразделения очнулись от тяжёлого сна уже в плену, другие не очнулись совсем, флоту плыть было некуда, у него осталась одна работа: отбиваться от «юнкерсов», а лётчики, сняв шлемы над сгоревшими самолётами, пошли наниматься в пехоту.

Поганый австрияк

Война войной, а обещания надо держать. Вместо тотального уничтожения немцы стали вывозить наш народ к себе, в работники. Своих мало, что ли? Пузырь Коба всё делал по договору – против вермахта гнал солдат без винтовок, подставлял миллионами: режь – не хочу. Так нет же, сволочь Адик патроны стал жалеть, солдат наших в плен брать, мимо евреев проходить. В Сталинграде ему за это показали... Но что делать с теми, кто побывал в Германии и стал шпионом и подлым наймитом империализма? Самим решать приходится, новые бараки строить на Чукотке.

Очевидно, бандит Адик не поверил бандиту Кобе, что тот решил сделать маленький Рай для себя и присных, а остальное множество просто извести, для obsługi оставить самых тупых, и регулировать их количество, чем и обеспечить необходимое безопасное качество.

Поведение Адольфа ставило под вопрос выполнение жизненной задачи Пузыря Кобы, для чего, собственно, и была запущена военная мясорубка. Как только его тщеславная идея стать владыкой мира выросла до объёма его телесной оболочки и стала её перерастать, плановое терпение Пузыря стало давать сбои, до него стало доходить, что внушить всем сапиенсам на земле веру в райскую жизнь через пару лет невозможно в принципе, а тысячи лет у него не было в

запасе. Практика в своей стране показала, что самый радикальный способ добровольного и радостного перехода всей оравы в коммуны – ликвидация сомневающейся части оравы, хотя и при таком кардинальном способе выигрыш во времени был минимален. И это в нашей бомжово-криминальной стране! Что тогда говорить о несчастном населении стран, поражённом вирусами, микробами и бактериями, прилипшими к пачкам красных, зелёных, жёлтых и синих денег, которых в этих (как отвратительно произносить это слово!) – капиталистических странах, почему-то много! Для решения вопроса Пузырю Кобе в голову ничего не приходило, кроме призрачной возможности, что недопосаженные физики соорудят, как они ему объяснили, из атомной мелкости здоровенную дуру, которая вполне может помочь заселить Землю одними только коммунарками.

Бедная медсестра. Показалось Пузырю – не так уколы делает. Или придумал. Очень уж удобно – кто это посмел на Солнце пятна ставить! Бедные врачи! Давно бы вогнали пузырьрёк воздуха – никто бы и не охнул, можно было и не бояться. При всеобщем тайном и явном ликовании можно было и уцелеть. Нет среди нас ваххабитов, нет. Мы же цивилизованная публика. Без чести и совести. А чего от нас ждать? Мы – несомневающиеся остатки недорезанного народа. Вот и поплатились, вместо того, чтобы двум-трём пойти на дело, за всех.

Теперь надо торопиться.

Но мы уже знаем, что был человек, в голове которого родилась гениальная идея и созрела решимость защитить свой бедный народ от новой заразы.

Времени для защиты не оставалось.

Беда вечная

Сейчас доподлинно известно, что миром правят силы небесные. Сил этих великое множество, как и тварей земных. Это не значит, что на каждую тварь приходится по силе. Но если одна не справляется, то на каждую тварь может навалиться сонмище сил, однако бывает, что и одна. Иногда силы внедряются в тварь земную и начинают ею управлять, как хотят. Тогда от твари добра не жди! Такого наворочает, сто лет вспоминать будешь, или двести, как в нашем случае. Хоть и написано, что на небе живёт боженька с ангелочками, да только живут-то не по нашим правилам, не знают, что есть зло, а что добро. Им всё едино. Не пьют, не едят, коммунальные услуги не оплачивают – зачем им добро или зло. Медузы бездушные, безэмоциональные. Эмоции, как мы знаем, возникают от контакта с действительностью, а коли действительность виртуальная, безвоздушная, бесплотная, то контакта не происходит, и эмоций нуль.

Выходит, что силы небесные к божественной конторе либо совсем отношения не имеют, либо живут с ней на договоре, потому что все дела свои на Земле проворачивают, как хотят, но всегда одним и тем же способом. Способ до жути простой – однажды они кучно собираются на проходных Домов Правительств к началу рабочего дня, и, как только какой-нибудь член из членовоза вываливается, тут же в него

и внедряются, как шпиёны под прикрытием. И так в каждого члена. Теперь можете представить, какая свара начинается, когда члены собираются в одном Зале Правительства за одним Столом Правительства! Изо всех карманов, ушей и ноздрей членов, качаясь на длинных шеях, скалятся препротивнейшие головы сил небесных, которые шипят, плюют и корчат друг другу рожи. Куда уж их дальше-то корчить! Они и причёсанные страшней чёрта!

Членам их, конечно, не видно, но указы народу они начинают сочинять один другого смешней, а силам небесным того и надо – укатываются, аж на пол падают.

И вот ведь горе – полюбила нечисть нашу территорию. Больше всех других земель на Земле. Конечно, в других местах люди тоже страдают и страдали – вспомните Германию с Гитлером, Камбоджу с Пол Потом, Гаити с тонтон-макутами, Африку, в которую занесли наши люди эту заразу вместе со смазкой на автоматах Калашникова, а унести забыли – да и не до того было – самим бы убраться подобру-поздорову, пока чёрненькие вожди по дружбе не слопали. А в Южной Америке до сих пор на флажках рисуют головы сил небесных – где Ленина, где Сталина, где Мао, а то и своих чертей – Че Гевару, Уго, Фиделя. На всех хватает, но у нас – особенно! Потому как нет противодействия. То хоть крестом отмахивались, так вырвали все кресты из рук честного народа, а где на бутылку выменяли. Так и сосём её, с хохотом обливаясь горькими слезами.

Ну и чёрт с нами! Раз не заложены гены, так что уж! Дорогу китайцам!

Но всё это, так сказать, происходит исторически и синергетически (теория синергетики – теория самоорганизации больших систем – объяснение миропостроения... с помощью модели брюсселятора, испытывающего диссипативное влияние флуктуаций на сам нестационарный процесс существования большой системы, явно изменяющих частотное состояние пространств, составляющих систему), поэтому дёргаться не будем.

И всё же был в недавней истории славный случай, когда один наш бедный маленький народ так отмахнулся, такое проявил понимание синергетики, что покатались мы резко в сторону, почти ушли со встречной полосы, осталось ещё чуть подправить, и, смотришь, китайцам нечего будет делать!

Думаю, в этом случае и сами Силы небесные тоже маху дали, когда внедрили своего агента в несчастную бородёнку дедушки Калинина, а тот возьми, да и упрись на странной идее – дать упомянутому маленькому народу свою автономную землю. Где дать – это смех отдельный, но ведь дали же. Правда, главный эпизод отстоит от этого момента на целых двадцать пять лет, Силы небесные тоже за это время могли два-три раза смениться, а реестр своих пакостей они, похоже, не вели.

Благодаря этой промашке события в нужный момент и

распределились в пространстве самым удобным образом, как вы заметите это сами.

Страна моя – судьбы подарок

Думаю, великость нашей страны доказывать смешно. Стоит только развернуть карту на столе. Не на каждом ещё поместится! Обычно земля нашей страны имела красный тесёмочный контур, любовно нарисованный геодезистами, и розовый цвет всей остальной поверхности, на которой оттенялись горы, леса и долины, что с некоторого расстояния создавало впечатление небрежно брошенных на стол дамских трусов, принадлежащих матроне Рембрандта. Остальные страны (смешно даже называть их Государствами!) валялись вокруг тряпочными клочками, и до некоторой поры никакой (все в том были убеждены) угрозы не представляли. И то было не напрасное убеждение, так как красная тесёмочка на карте изображала не просто демаркационную линию, а Границу на замке! Которая охранялась денно и ночью такими богатырями, как Карацупа с Индусом и быстрыми танками с крепкой бронёй. (Про танки – это из песни. Помните: «Броня крепка, и танки наши быстры!»)? Только теперь мы узнали от В. Суворова, что если броня крепка, то танки не могут быть быстры и что если «быстрые» появились на границе, то жди, что через десять минут они её перейдут.)

В этой очень большой стране жило-было наше население. Его было как раз столько, что на каждого приходился огромный кусок территории. В уме каждому доставалось

по высокой горе, тёмному лесу, небольшой, но жаркой пустыне с кобрами и орлами, доброму пахотному клину и пятиметровому пляжу на побережье Ледовитого океана. Но, опять-таки обращаясь к фольклору, оказывалось, что «Не по Сеньке шапка»!

И не потому, что каждый Сенька данного населения не знал о своём богатстве. Наоборот, каждый Сенька не только знал, но и очень гордился тем, что живёт в такой стране, в которой на каждого Сеньку всего приходится так много, как ни в одной другой на какого-нибудь Джона, Санчо или Фархутдина ибн Исмаила Али-бабу! И все Сеньки, как один, по утрам и вечерам вместо молитвы повторяли: как хорошо, что я родился в такой стране! Или: как хорошо, что я живу в такой стране! Или: как мне повезло, что я не Американец (не Африканец, не Немец, не Китаец), а просто потрясающий Везунчик!

Конечно, говоря опять же простым языком, в семье не без уroda. И в нашей большой, всем довольной семье, конечно (кроме всем довольных Сенек), остались ещё с прошлых времён (почему остались? Опять сопливая жалость?) всякие там Петьки, Юрки, Тимуры, Хасаны, Мамеды, Гоги, Остапы, Моисеи, и даже Адольфы! Которые! Не считали! Что им дьявольски повезло с Родиной!

Но наши люди, которые шли в первых рядах нашей славной массы, и которым было лучше видно, куда нас вести, потому что им не мешали правильно смотреть миллионы на-

ших спин, образовали вокруг нас надёжное кольцо. Гениально придумано! Ведь если понадобится повернуть «всех вдруг» (морской поворот), то первые ряды всегда на месте, а сомневаться в качестве людей, идущих в первых рядах, действительно могли только уроды!

В этом кольце первых рядов был один ряд, в который из нашей массы выбирали самых зорких, самых стойких, с самыми железными нервами и пилотским вестибулярным аппаратом. Этот аппарат был им очень нужен, так как они должны были идти, куда все, а смотреть всё время, не моргнувши, на нас, на необозримую массу, и не падать на ходу, запнувшись о какой-нибудь старый чужак. Правда, те, кто шёл сзади, мог не бояться зацепиться, потому что всякая природа после нашего празднично-трудового марша превращалась в утоптаный тракт.

Мы называли их «железными», их старшина звался «Дзержинский», а чтобы отличить их за ответственную службу, предписали им носить синие армяки и красные шапки. Что бы мы без «железных» делали? Скольких они спасли! Ведь как увидят, что кто-то в массе побледнел, или закатил глаза, или губы у кого вышевеливают не те слова, или голову отвернул на опасный угол – сразу шасть в толпу, хватить уставшего на руки, да и вынесли вон – лечить. И ведь многих на ноги ставили, к радости жизни возвращали, а для верности шли они после лечения рядом с «железными», чтобы в случае рецидива болезни спасители были тут как тут. А

какие профессионалы! Идёт это бывший больной, пашет за двоих, румянец, как у девки, а им уже видно червоточину! Да опять его – в лазарет! Так и вылечили каждого четвёртого. Им теперь уже ничего не надо, они и так благодарны, зато на каждого из нас недвижимости и угодий приходится теперь больше.

Больных в нашей туче, боевой и могучей, становилось всё меньше и меньше, а первых рядов – всё больше и больше. Наконец, наступил момент, когда каждый четвёртый избиратель (избиратели – работоспособная часть массы, независимо от пола и свободы от совести, удостоенная блаженного права выбирать самых железных, просто-таки стальных верняков, в самый первый ряд) оказался в первых рядах. Конечно, первых рядов стало много, и красным шапкам поэтому стало труднее высматривать, кто там в толпе вертит головой или вытягивает уши. И тут один из варнаков (варнаки – самые ушлые из верняков, с извилистой, и, как оказалось, поперечной трещиной под черепушкой) предложил, чтобы те, кто выбран в первые ряды последними, проходили бы стажировку в «Сеточке», располагаясь в узелках сети, как бы брошенной на нашу тёмную массу. Это было ещё гениальней! (Стоп! Откуда пришло такое слово? Я же его никогда не знал! А-а-а! Так всегда называют «Мысли Лучшего Друг-массы» – варнака Кобы, когда включают пробки в ушах). Но лучше сказать просто: это было здорово! Сразу как мешок с плеч свалился! Ничего не надо делать самому – знай, подда-

кивай сеточнику! Правда, стало как-то смешнее жить, когда мы и думать сами перестали – кирпич есть, раствор ёк, раствор есть – кирпич ёк. Да это ладно бы, а то всё чаще стало – перерыв есть, обед ёк. (Ёк (татар.) – нет).

Говорят, через пятьдесят лет внуки наши придумали дурацкое понятие – виртуальность! И вроде даже обозвали наше богатство этим словом! То есть вроде бы понятие есть, а богатства – нет! Так мы же не для себя его в голове держали, для вас! Или что?!

Или что, дед, или что! Богатство – это, дед, деньги или вещи, на которых стоит клеймо с твоим именем. Ты можешь превратить их в разум, если у тебя его не было до сих пор, и тогда тебе не нужен никакой банк – богатство всегда будет с тобой. Усёк? Но сначала это только деньги и вещи. Даже с чужим клеймом.

Пена пузырячатая

Власть нашей великой страны. Жуткий и бессмертный коллектив.

Далее напомним слёзное кино о том, на каком говне может споткнуться самая великая власть, и, споткнувшись, полететь в тартарары (без запасного парашюта, спасательного пояса, ремней безопасности и надувных подушек; тартарары – иностранщина в русском языке, означает: ад).

Эту печальную повесть можно было бы начать с упреков в адрес самой власти – что, она не знала (работая с самыми тёмными «массаами», выдавая себя за плоть от их плоти) элементарных, на подкожном уровне управляющих массаами истин, родившихся задолго до библейских заветов? Что, она не знала, что «Не плюй в колодец...», «Не копай яму другому...», «Не руби сук...» и т. д. – это касается и её? И всякой власти касается в первую очередь?

И что проявления названных «истин» следует опасаться как раз при любом неумелом воздействии на непонятную для любой власти и постоянно как бы невидимую, тучу, гору, горную страну, называемую народом. И что эта тёмная «масса» подозрительно похожа на озеро магмы в притихшем вулкане, покрытое темноватой корочкой. И что если сдуру какой-нибудь палкой сделать в корочке дырку, то всё озеро вмиг может очутиться у тебя на голове, а заодно и накрыть

все властные дворцы с недоученными властными безбилетниками. Но, похоже, что всякая власть вместе с её регалиями получает ещё и короткую память, следствием чего надо считать появление у неё дикой самоуверенности.

Вот это свойство и ведёт к гибели. В истории тому примеров – тьма. Надеюсь, что войдёт в неё и наш пример. Но сколько крови...

Дровосеки

В одном очень большом доме города, втором по величине, а может, и первом – смотря каким метром мерить, на не обозначенном этаже, в проходном кабинете без удобств шла пятиминутная выволочка. Действо было ежедневным, могло быть даже привычным, но привыкнуть к нему нельзя было из-за постоянной неизвестности – за что сегодня будет выволочка. Поэтому у каждого сидевшего по обеим сторонам стола, где-то между лопатками тоскливо позванивал сигнал тревоги. Но ничего нельзя было прочесть на их лицах, глаза их невидяще смотрели на партнёров, взгляд всё глубже уходил внутрь, мозги непрерывно и произвольно прокручивали вчерашний день в поисках ошибки. Это было бесполезно, так как другие мозги ошибку всё равно находили, и совсем не ту, которую можно было подозревать. Так и сидели шестеро против шести в полном бессилии и незнании. В ожидании удара. Владелец других мозгов, сидевший в торце стола, свою долю выволочки получивший в кабинете с удобствами, аккуратно обстучал пальцами пачечку листов, положил на них кисти обеих рук, и вместе с глубоким медленным вдохом, как бы поднимая секиру, выпрямил спину, шею, прямо утвердил голову, и устремил тоже невидящий взгляд в пространство между лбами, и дальше, в стену, и сквозь стену, и вообще чёрт его знает куда. Такая в этом доме была манера

– смотреть и давать понять, что “Я тебя в упор не вижу”. А почему – при случае станет ясно.

Союз продолжал непрерывно жить по предначертаниям. Если одно из первых гласило, что «когда лес рубят – щепки летят», то последнее давало понять лесорубам, что без работы они никогда не будут, так как «чем дальше в лес – тем больше дров», ну и, естественно, щепок.

Вы уже, конечно, догадались, что за столом сидели лесорубы, а вернее, их десятники, и что последнее предначертание, если изложить его не в просторечьи, а так, как написано в главной газете страны «Истинная ПРАВДА», звучало хоть и нелогично, но апокалиптически неотвратимо: «Чем ближе Рай, тем больше крови»! (Опять меня кинуло в афоризмы! Вообразил из себя Козьму Прутков! На самом-то деле было сказано: «С приближением к коммунизму классовая борьба обостряется.»!). Что вам непонятно?

А понятен вам всефасадносоюзный лозунг «Победа коммунизма неизбежна»?! Т. е. катаклизменно неотвратима! Вот эта неизбежность глупости и рожала все предначертания, по которым жил Союз.

Все в Союзе постулат сей затвердили – от школьника до самого смердящего зэка, все с глубоко понимающим видом кивнули головой, и тут же со смертным страхом оглянулись! Раз, другой, третий! И завертели головами, как самолёты винтами! Чтобы не пропустить тот миг, в который кто-то подумал только! – направить в твою сторону указующий, до-

носящий, погубительный палец! Чтобы опередить! И упечь его раньше!

Ну, а лесорубам только того и надо – кто не успел, того сразу в разряд щепок зачисляли. Ах, ты не щепка? Докажи! А как щепке доказать, что она не щепка? Невозможно никак. Разве что на других щепок указать. Иногда это спасало. Временно. Пока держали в подразряде щепок-указателей. Но всё равно все щепки попадали в костёр. Попадали в костёр и сами лесорубы. Ведь они были ещё более советские люди, чем все остальные, подошли к Раю, (то бишь, к коммунизму), ещё ближе, стало быть и классовая борьба в их коллективе была ещё острее. Вот поэтому они и не смотрели друг на друга, знали, что в каждый миг кто-то из них может оказаться щепкой, тьфу, врагом народа, и надо успеть! Успеть! Первым ткнуть пальцем!

Кто-нибудь может сказать: ну какая же это классовая борьба! Так, банка со скорпионами! И глубоко ошибётся! И ещё скажет: ну какие же там классы? Ведь у нас теперь только один класс – пролетариат? Остальных-то мы вырезали! И тут будет прав. Один класс остался. И не забудем для будущих рассуждений, что остался именно пролетариат.

А в чём ошибка? Да в том, что эта голова забыла одно древнее предначертание, гласившее, что Рай можно создать в одной отдельно взятой стране. Так почему же не быть классовой борьбе в одном отдельно взятом классе?

Но не на пустом месте пришла эта мысль в голову варна-

ка Кобы. Ох, варила у него голова! Первый сообразил, что пролетариат из-за своей плебейской природы изначально не способен, как им ни руководи, построить что-нибудь путное. А тем более – Рай! Почесался, наверное, что не на ту карту поставил, да деваться некуда, хоть что-то надо спасать.

Итак, чем же можно объяснить систематическое появление, на протяжении известной нам истории человечества, явных выродков, то есть существ в человеческом облики, выбивающихся из нормы рода. Назову только тех, с кем довелось жить в одно время ещё живым нашим людям: это Ленин, Сталин, Гитлер, Пол Пот, теперь вот Каддафи. Это, конечно, не все, но не у всех есть длинные руки.

Как говорится, наука не знает. Остаётся только догадываться, опираясь на факты, то есть подходить почти научно. А факты таковы, что во всех этих случаях нередкие генные повреждения попадали в питательную народную массу, и на ней взращивались. Или, более конкретно, шизики, повреждённые ещё при зачатии, кликушествуя, легко убеждали доведённый войнами тоже до шизоидного состояния народ, что их идея есть спасение для всех. Наполнившись идеей, народ, как всегда, с радостью и надеждой на это спасение, вручал шизикам власть, и пошло-поехало.

Далее, по известной формуле, получатель власти с первого же дня начинал охранять её и укреплять. Охранять от народа, который дал эту власть и укреплять её контрфорсами силовых структур, как сейчас говорится, чтобы народ

не смог её больше ни отнять, ни передать. При этом сначала убеждают всякими способами тех, кто голосовал против, вторыми идут те, кто не голосовал совсем, их также всякими способами убеждают, что так делать нехорошо, третьими, по закону истории, идут те, кто слишком рьяно поддерживал кандидата и пообещал народу больше, чем хотел кандидат, потом периодически проводятся акции устрашения через примерное истребление отдельных групп возможных идейных противников.

Чёрная метка

Десятник лесорубов отсчитал четыре листка из своей папки, толкнул их на середину стола между подчинёнными, пробурчал незнакомым голосом: «Читать по трое, потом разорвать, съесть, сутки не ходить в сортир».

Тройки склонились над листками, стали читать про себя, у них непроизвольно стали вылетать разные междометия: А! ...Ой!...Э-э-э... Ё-ё-ё!

Прочтя, не поднимая глаз от текстов, сидели неподвижно несколько секунд, потом стали рвать листки на куски, чтобы всем досталось, запихивать в рот, жевать и давиться. Наконец, догадались запивать водой из графина.

– Секрет три креста! Ждать указаний! Все по местам!

Дюжина вскочила с мест и торопливо затолпилась на выход.

– Назад! Стулья на место! Что вы, как...

Кто мой папа?

Сейчас появился ещё один интересный фактор в списке причин периодического появления среди людей личностей, выдающихся по вредности и произведённому ими злу. Это слухи о милых зелёных человечках, которые почему-то остались в живых при аварийной посадке на космической скорости. (Такое везение можно объяснять как автоматическим торможением, так и отменной защитой при почти атомном взрыве, сопровождающем падение инопланетных кораблей. Всё-таки не наша отечественная техника, и даже не импортная из какой-нибудь там Индии, Америки, Кореи, а прямо с планеты ХУТОР Z0864135 созвездия Центавры – это рядом с Альдебараном, ну, вы знаете).

Очень много людей видели зеленушек и приписывают им разные положительные поступки. Хотя были и отрицательные. Например, похищение некоторых наших соотечественников с целью абсолютно непонятной. Если на органы, то мы же совершенно не похожи. Правда, бываем иногда зелёными, но это не есть наш природный признак. Остаётся только одно – изучение наших претензий к Вселенной: не являемся ли мы, земляне, конкурентами в вопросе расселения по Засолнечным пространствам. Думаю, что припёрлись они в околоземную атмосферу не от хорошей жизни, а в поисках тёплой завалинки, о чём и мы начинаем уже поговаривать.

Вот только описания наших похищенных говорят, что они не из тех академиков, от которых можно получить нужную информацию. Конечно, рассказать они могут много, рассказывать могут долго, но зелёненькие могут ошибочно подумать, что мы все при общении нуждаемся в постоянной подпитке, а вернее, подливке какой-то вонючей жидкости. Да и понять что-нибудь из их рассказов ни один инопланетный лингвист не сможет, поскольку наши информаторы, мягко говоря, слабы в математической логике, как основе межпланетной лингвистики. И вот этот факт воровства именно таких представителей земного общества говорит о явной фантастичности феномена инопланетян. Тем более приписывать им свершение чисто российского подхода к решению задачи типа «Жить или не жить» просто некомпетентно.

Если продолжать это отвлечение, то зелёненькие – не существа вовсе, а автоматы. Какими программами их ни набивай, в Земных проблемах они не будут соображать ни уха, ни рыла.

Почему-то не озвучена давно известная от занимательных физиков возможность появления среди нас неизвестных граждан при помощи телепортации их машинами времени. Помните: «Иван Васильевич...»?

Эта возможность намного реальнее объясняет наше вавилонское столпотворение: все хотят жить хорошо, все знают, что для этого надо, но объяснить друг другу не могут: языки у всех разные. Если отбросить легенду о божьем наказании,

то ситуация становится очень понятной – народец на Земле собрался совсем не по свистку господина Дарвина, и первородитель наш вовсе не из Сьерра-Леоне. Машины времени! Белых на Землю забросили те, кто ещё белее, жёлтых, красных и чёрных в разное время, по мере развития техники, просто белые. Из разных звёздных систем и галактик. И в разное, очень разное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.